

деревянные планки, которые прижимали конопать, проложенную в щелях между двумя бортовыми досками. Крепились к доскам П-образными железными скобами. Клинкерный способ обшивки кочей подтверждают и находки бортовых досок в Мангазее (Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск... С. 270–271; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазя: новые археологические исследования. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008. С. 74, 221).

¹⁷ Мавродин В. В. К вопросу о судах Русского Севера с древнейших времен до XVI века // Ученые записки Карело-Финского педагогического ин-та. Сер. общ. наук. 1955. Т. II. Вып. 1. С. 85.

¹⁸ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. 1. С. 186–188.

¹⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 100–101, 107.

²⁰ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. М., 1951. С. 84.

²¹ Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. С. 192.

²² СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 17.

²³ РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 1062, 1065.

²⁴ Дубровин Г. Е., Окорочков А. В., Старков В. Ф., Черношвитов П. Ю. История северорусского судостроения. С. 194–268; Старков В. Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. II. Россия и Северо-Восточный проход. М., 2001. С. 53–58.

²⁵ Вершинин Е. В. Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.)... С. 106–107.

²⁶ Цит. по: Брызгалов В. В. Строительство западноевропейских судов в Поморье... С. 235.

²⁷ ПСЗ. СПб., 1830. Т. V. № 3323. С. 678–679.

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 693. Л. 135.

²⁹ Кошечкин Б. И. Боже, дай нам ветра: кемские полярные мореходы. Петро-заводск, 1992. С. 162.

³⁰ РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 611. Л. 43 об., 52–52 об.

³¹ Богославский П. А. О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб., 1859. С. 41–42.

С. В. Туров

**КОДИНСКИЙ СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ:
ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ВОПЛОЩЕНИЯ И СТЯЖАНИЯ
РЕЛИКВИЙ**

Кодинский (Кодский, Кондинский) монастырь на протяжении почти 250 лет являлся значимым центром православия в Северном Зауралье. Обитель стояла на земле древней Коды. Хантыйское Кодское княжество в конце XVI в. простиралось на Оби, от нынешнего с. Белогорского до Березова. Во время зимнего обского похода 1583 г. ермаковых казаков «большой» кодский князь Алач (Алачей) вступил в союз с русскими. И надо

сказать, что союзнические отношения, хотя и не всегда безоблачные, подерживались вплоть до ликвидации относительно самостоятельного Кодского княжества в начале 40-х гг. XVII в.

Кодские князья, потомки Алачея, являлись вассалами русского царя. В случае необходимости они выставляли рать (около трехсот воинов) для участия в военных действиях, за что пользовались правом сбора в свою пользу ясака с подвластных им соплеменников. Они же были в ряду первых аборигенов-христиан. Не случайно, в 1599 г. жена князя Алачея приняла крещение под именем Анастасии и по ее челобитной в 1600 г. в резиденции кодских князей – Кодском городке была построена церковь во имя Живоначальной Троицы с приделом «Чудотворца Николая»¹.

В конце 1602 г. в Москву прибыл потомок князя Алачея Игичей Алачев. Здесь он принимает христианство, а по возвращении в Кодский городок, по-видимому, в ознаменование этого события строит еще одну церковь во имя святых Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев. Впрочем, вскоре храмы запустели и в 1608 г. Троицкую церковь даже закрыли, а утварь и священника перевели в Березов. Через какое-то время князья Алачевы (Михаил) восстановили «церковное благолепие» своей резиденции. Однако в последующем в кодские храмы вновь пришла «мерзость запустения». Наследник Михаила, князь Дмитрий, охладел к христианству настолько, что докатился до кощунства. В 1643 г. на него поступил «извет» в том, будто бы он, намеренно стрелял в крест на церкви из пистолета. За свои «подвиги» Дмитрий Михайлович поплатился годичной епитимьей в Тобольском Знаменском монастыре². Эта выходка князей Алачевых, за которыми водилось и другое «воровство», была последней каплей, переполнившей чашу терпения московских властей. Отныне с самостоятельностью Кодского княжества было покончено. Князя Дмитрия Алачева вместе с матерью и бабкой Анной вызвали в Москву, где и оставили, записав в московские дворяне. Впоследствии род пресекался.

В 1656 г. архиепископ Симеон переслал царю Алексею Михайловичу челобитную от остяков четырнадцати волостей Кодской земли, в которой говорилось: «В прошлых де годах в Кодском городке церкви Божии стояли многия лета и ныне Божественное свершалось по вся годы, и их братия остяки многие слышали православную христианскую веру, приходя в Кодский городок, крестились; а ныне де тот Кодский городок стал впусе, и церкви Божии стоят без пения, и просили, чтоб им пожаловать велеть на том месте, где церкви Божии стоят, быть монастырю и старцам, чтоб, видя православие, крестились»³.

На эту челобитную 20 октября 1657 г. последовала царская грамота: «В том Кодском городке, монастырю и старцам, дьячку и пономарю быть, и ругою и жалованьем их устроить; его преосвященству, по рассмотре-

нию своему, повелено и кодских остяков, желающих в православную веру, крестить. Устроя ж монастырь и ружников, послать о том в съезжую (в Тобольск) избу к стольнику и воеводам ко князю Василию Хилкову с товарищи для ведома от себя память, и по устроению онаго монастыря и по положению дьячку и пономарю жалованья, годовыя руги, о том отписать к его царскому величеству к Москве»⁴. Так в 1657 г. был основан Кодинский монастырь. Правда, в свое время В. Зверинский обратил внимание на то обстоятельство, что в царской грамоте 1608 г. говорится о переводе из Кодского острога в Березов игумена Евстратия. Отсюда можно сделать предположение, что небольшая монашеская община существовала в Кодском городке уже в начале XVII века⁵.

Как бы то ни было, а в середине XVII в. главным храмом монастыря стала Троицкая церковь, незадолго до этого отремонтированная и устроенная утварью и книгами. Что касается церкви во имя Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев, то она к 70-м гг. XVII в. обветшала и развалилась. К 1683 г. в монастыре было вновь две деревянные церкви: «ветхая» летняя во имя Святой Троицы и зимняя во имя Благовещения Пресвятой Богородицы с колокольней «на двух столбах»⁶. В том же 1683 г. здесь насчитывалось 27 монахов, проживавших в нескольких деревянных кельях.

В середине XVIII в. Кодинский монастырь одевается в камень. Каменный Троицкий пятиглавый храм и колокольню строили более 30-ти лет. Начало строительству положил еще митрополит Антоний (Стаховский): «1729 г. ноября 15 дня преосвященный митрополит Тобольский и Сибирский Антоний Стаховский, желая спасения души своей, в вечное поминовение приложил в новозиждемое строение церкви святой, на святой алтарь пятьдесят тысяч кирпичу да двадцать бочек извести»⁷. Г. Ф. Миллер, путешествовавший по Оби в 1740 г., отметил, что в монастыре «имеется 2 деревянных церкви – Живоначальной Троицы и Благовещения Богородицы. На месте первой, так как она старая, сейчас строится каменная **двух-алтарная** (выделено нами. – С. Т.) церковь Живоначальной Троицы и Знаменья Богородицы»⁸. Первый сибирский историограф был человеком педантичным и оговориться не мог. Получается таким образом, что первоначально Троицкий храм в Кодском монастыре замыслился как двухалтарный. В том же 1740 г. путешествовавший в Березов в составе экспедиции астронома Ж.-Н. Делиля Т. Кенигфельс записал 26 мая в своем дневнике следующие впечатления: «К полудню мы прошли Нисамскую юрту, находящуюся на расстоянии в 15 верст от Котского монастыря. Мы явственно видели этот монастырь на вершине горы, где он построен, так как день стоял светлый. Ветер дул попутный, и в час пополудни мы смогли уже различить колокольню монастырской церкви»⁹. Деревянной отдельной колокольни в Троицком монастыре никогда не было. Не мог иметь

виду Т. Кенигфельс и звонницу одной из деревянных церквей монастыря, тогда еще стоявших, так как таковых звонниц попросту не было, а колокола в это время размещались на перекладине, укрепленной на деревянных столбах. Таким образом, речь шла, скорее всего, о каменной колокольне, поднявшейся к 1740 г. настолько, что ее можно было различить на значительном удалении от монастыря. Окончательно подтвердить это предположение мог бы рисунок колокольни, выполненный Т. Кенигфельсом, но, увы, в издании его дневника, которым мы пользуемся, он не воспроизведен. Строили каменный Троицкий Кординский монастырь мастера-каменщики из числа крестьян Долматовского монастыря: Иван Петров, Иван Краюхин, Иакинф Денисов¹⁰. Они обучили помощников из числа кодинских монастырских крестьян и служителей. Уже в 1753 г. каменное строительство в монастыре возглавлял кодский монастырский крестьянин Никита Черепанов. Все плотницкие работы также выполняли местные мастера. Так, в 1753–1754 гг. на церкви и колокольне «обивали маковицы» монастырские крестьяне – Семен Коньков, Иван Коньков, Герасим Комкарев, Тимофей Палачев, Яков Палачев. Известны имена приезжих резчиков, делавших иконостасы – Спиридон и Василий Карпов. Они также имели «обучеников» из жителей Кодского села. В строительные работы активно вмешивалась и монастырская администрация. В 1751 г. игумен Исаакий усомнился в правильности предложенных строителями конструктивных решений и отписал об этом в консисторию, откуда на имя казначея иеромонаха Иллариона пришел указ: «взять тебе, казначею, от всей оного монастыря братии за руками их скаски, кои б показали в сущую правду в том, когда упомянутые бывшие долматовские каменщики хотели в предельных алтарях skleпы ломать, также и на skleпах большого алтаря шею каменную делать, то оной игумен как skleпов ломать, так и шею делать им каменщиком не дал, якобы за опасностью такою, что те skleпы тонкия, имеющиеся в один кирпич, и чтоб от той тяжести своды не упали; и о том он, игумен, тебя казначея так же и братию во общий совет употребляли ль; и строить оное не дал подлинно ль с совету братского; и есть ли опасность такая, что ежели шею каменную делать, то от тяжести своды падут; и их братское мнение такое, что оная шея хотя б и не надобно строить, ибо застанет свет в окне церковном, было ль; и до колоколеной достройки на переделку оных сводов было ль с потребное число кирпичю и о прочем. И что по объявлению оной братии явится, о том к его преосвященству тебе, казначею, репортовать»¹¹. Чем закончилась «пря» между долматовскими каменщиками и игуменом Исаакием не известно, но в 1752 г. Троицкая церковь была построена, под ней сделан «для опасности от пожарного случая свод (подвал. – С. Т.)», а skleпы в алтарях, скорее всего, остались невредимы. В свою очередь это означает,

что сводчатые кирпичные склепы ныне замурованы под полом подвала, непосредственно под алтарями всех трех приделов. О том, что под полом храма находятся склепы, в конце XIX в. уже не знали. Живо только было смутное представление о назначении подвала: «Церковь квадратная, одноэтажная. Внизу церкви устроена усыпальница без склепов; вход в онаую снаружи» (1887 г.).

Между тем, в склепах, судя по всему, могут находиться останки не только монахов, но и первых кодских князей-христиан. Во всяком случае, в монастырской земле могли найти упокоение уже упоминавшаяся крещеная в 1599 г. в Москве мать кодского князя Игичея Анастасия и один из сыновей князя Петр. Здесь же мог быть похоронен и сам князь Игичей, крестившийся, как мы помним, чуть позже своих домочадцев. В 1603 г. в Москве принял крещение другой сын Игичея Михаил. Здесь он женился на дочери одного из представителей русской знати и служил в звании стольника. О князе Михаиле известно то, что его сын Дмитрий, рожденный от остячки, когда Михаил еще находился в Коде, после смерти отца в 1633 г. привез его тело из Москвы и похоронил близ церкви¹². Таким образом, на территории монастыря мог оказаться целый княжеский некрополь. Трудно переоценить историко-культурную значимость этих захоронений.

Между тем, рядом с новой каменной церковью стояла старая деревянная, а в новой церкви какое-то время служба не велась, так как она не была обустроена¹³. В том же 1752 г., когда была построена каменная церковь, игумен Исаакий просит консисторию о том, чтобы «повелено было им перенести иконостас из ветхой Троицкой церкви во вновь построенную каменную». Когда разрешение было получено, «древняя деревянная» церковь была сломана «и на дрова для топления церкви изрублена»¹⁴. Однако еще в 1765 г. не все приделы каменной Троицкой церкви были освящены. Зимой она вообще была «неспособна» для богослужения, поскольку не отапливалась. Вот почему еще долгое время служба отправлялась в деревянной Благовещенской церкви¹⁵.

Колокольно построенли раньше церкви. И это еще раз подтверждает наше предположение о том, что в 1740 г. Т. Кенигфельс видел именно незавершенное здание каменной колокольни. В 1750 г. она была «в готовности», а в 1752 г. на «слухи» колокольни перенесли колокола, висевшие до этого на столбах, которые были «весьма ветхи и пошатились»¹⁶. Главным зодчим, строившим храм и колокольню, являлся долматовский мастер Иакинф Денисов. Архитектурные формы церкви, а также детали декора выдержаны в канонах так называемой уральской (строгановской) школы. Прототипами могли быть Троицкий собор в Верхотурье, Успенская церковь Долматова монастыря и др.

Следующий этап каменного строительства в Кординском монастыре связан с деятельностью архимандрита Иакинфа. Вот как он сам подытожил свой вклад в обустройство монастырского комплекса: «Со определения же моего во оной Свято-Троицкий Кординский монастырь производством в игумена в прошлом 1753 году февраля 10 числа по усмотрению моему и по должности настоятельской в том монастыре в давних летах зачатая строением каменная церковь во имя Троицы Живоначальная с пределы во всесовершенное окончание приведена, то есть переделанием глав и поставкою крестов и покрытием железом. Также и внутрь построенными как в церковь, так и в пределы резными иконостасы и протчими в ней принадлежностями как то: и зделанием при оной вновь каменной ризницы и протчего в той святой церкви по украшению приличнаго»¹⁷. Таким образом, по указанию Иакинфа были переделаны главы на церкви и на колокольне. Эти работы выполнял «подмастерье» Иван Денисов (возможно сын Иакинфа Денисова), за что получил в августе 1753 г. из монастырской казны 1 рубль 70 копеек¹⁸. Ризницу строил Никита Черепанов. Место ее расположения определил сам архимандрит Иакинф: «при церкви с северную сторону колокольни, а з западную – церкви приделом к колоколенной и к церковной стене до самых углов смотря по препорции места, где имеет быть церковная ризница»¹⁹. Сделал он и часть «архитектурного проекта»: «А когда имеет быть тоя ризницы строение, то лестницу на колокольню отломать, а ход на колокольню зделать между стенами каменный, а двери на паперти пробить в ризницу, двери зделать из церкви»²⁰. Таким образом, колокольня претерпела существенные конструктивные изменения.

В 1762 г. начинается строительство трапезной, инициатором опять выступает архимандрит Иакинф: «Вновь строящимся каменным покоем посылаю рисунок, нарисованная часть восточной стороны, с того примеру знать можно и полденную сторону. Нижний апортамент делать со сводами и в окошка решетки, а в верхней будет без сводов, и в окошках решетки не потребны. Стены делать против нижних тонее, упомянутые решетки ныне завременно велите заготовлять, связей лишне не тратьте, класть в приличных местах с разсуждением»²¹. Таким образом, Иакинф предполагал постройку двухэтажной трапезной, но по ходу строительства в этот план были привнесены коррективы, и трапезная была возведена в один этаж. Уже в 1763 г., менее чем за год, трапезную построили, а монастырский комплекс обрел законченность: «Первая каменная церковь во имя Живоначальной Троицы холодная, при ней в трапезе два предела теплые не освящены. По правую сторону предел во имя Пресвятыя Богородицы Казанския, по левую сторону – во имя Святителя Николая Чюдотворца. При той же трапезе ризница, паперть, над папертью колокольня, во оной

до слухов полата кладовая каменная, в слухах колоколов шесть. Часы новые боевые зделаны, точно не поставлены. Глава на церкви железом обита и желтою краскою выкрашена. Под главою в осьмерике дванадесять апостолов писаны на красках²². Под осьмериком бочка и под нею баки железом обиты и зеленою краскою выкрашены, на олтаре и колокольне главы белым же железом обиты. На пределах главы каменные, на церкви и колокольне кресты железные, вызолочены. Трапеза с пределы и ризница покрыты тесом²³. «Боевые часы» были впоследствии установлены. В недатированном (скорее всего конец XVIII в.) черновом отпуске описи часов, имеющихся в Кодинском монастыре, читаем: «На колокольне в шатре часы железные в станку железном же»²⁴. Из другого документа, относящегося к этому же времени, узнаем: «Часы большие железные боевые, жалованные государем царем Пером Алексеевичем и царевною Софиею Алексеевною. Стоят на колокольне. За ветхостью в неупотреблении и многия от тех штуки растеряны»²⁵.

Сохранилось описание и монастырского подворья 1763 г.: «Вокруг оно-го монастыря ограда деревянного строения с одними святыми, а другими проезжими и двумя маленькими вороты, место которой деревянной ограды имеет быть строена каменная, для которой уже и кирпича заготовлено до шестисот тысяч, да камню серовика в бут сто сажен... Внутрь ограды строение... деревянное: кельи с сеньми старые настоятельская о дву апартаментах... настоятельская, при ней чюланчик кладовой... казенная, брацкие... кельи с сеньми новые, брацкие жилые, хлебня, при ней маленькой анбар, хлебной же... келария, тут же брацкая и поварня ж... ветхое. Погреб летний... конюшня... житницы хлебные... анбары для клажи на манастырь покупной соли... анбары кладовой... Огород для сажения на братию капуст вокруг с трех сторон... Баня для монастырских служек... Больница, в которой больных никогда не бывало... За оградой деревянное ж строение новое... Кузницы для делания медного, железного... Избы для монастырских служек с сеньми... Скоцкие новые дворы для рогатого скота, лошадей... Ветхая скоцкая стая от погоды... Вокруг тех скоцких дворов заплотом забрато с двумя проезжими вороты... Житницы хлебные: новые, ветхие пустые... Ветхие: поварня, баня для работных людей, солодовня с сушилом и маленькими сеньми... Кирпишные сараи... Мельница над речкою Кодою о дву постовах... На острову Оби реки строение деревянное ветхое: изба, где живет коровница, скоцкой двор, баня»²⁶. К этому описанию остается только добавить, что каменная ограда вокруг Кодинского монастыря не была построена никогда, а вот наличие бутового камня, приготовленного для ее фундамента, заставляет предполагать, что он был использован в фундаментах всех каменных монастырских зданий.

К 1764 г. в монастыре числилось 14 монашествующих, 6 бельцов и один подьячий²⁷. После секуляризации церковных и монастырских имуществ 1764 г. монастырь потерял свои угодья и крестьян. Доходы обители резко упали. Число монашествующих неуклонно снижается: 1770 г. – 8, 1775 г. – 5, 1778 г. – 4, 1800 г. – 3²⁸. При таком положении дел новых зданий в монастыре естественно не строилось, но старые, особенно деревянные, волей-неволей приходилось поправлять и перестраивать. В 1810–1814 гг. храм получил новую железную кровлю. В 1818 г. «поновили» иконостас в Казанском приделе. Самые большие переделки и «поновления» были предприняты при архимандрите Арсении (1857–1862 гг.): «1) исправлены снаружи церковь и колокольня с заделкою трещин, с исправлением в местах фундамента, оштукатурена и обелена; 2) сделаны на церковь новые стропила; 3) крыша покрыта новым железом и окрашена малахитом на масле; 4) вызолочены пять крестов и глав, из коих четыре сделаны новые – больше и в восьмерике написано восемь икон новых, а восьмеричная большая глава выкрашена зеленым кроном, на коей написано восемь шестикрылых ангелов с вызолоченными крыльями; 5) к церкви и колокольне пристроены два крыльца новых; 6) церковь внутри окрашена; 7) в приделах устроены два новых иконостаса; 8) в церкви сделаны две новых печи и 9) вокруг монастыря устроен новый забор на пространстве 355 ½ сажени, с воротами к реке Оби и лестницею, вышиною 4 ½ аршина»²⁹. В 1856 г. был построен новый двухэтажный настоятельский корпус, в котором кроме настоятеля размещалась школа, а также одноэтажное здание «с коридором посередине и с кельями на обе стороны». Кстати, тот факт, что во время ремонтных работ, предпринятых в Козинском монастыре в 1857–1862 гг., была «церковь внутри окрашена», косвенно может свидетельствовать о том, что стены эти никогда не украшались фресками. Впрочем, в описании Троицкой церкви 1887 г. прямо сказано: «Стены церковные гладкие не расписаны никаким письмом». В 1881 г. на монастырском подворье появилась новая баня, а в 1883 г. новый корпус для помещения рабочих. В целом в конце XIX в. (1892 г.) Козинский монастырь выглядел следующим образом: «Монастырь обнесен деревянной оградой на пространстве 335 ½ сажень и вмещает в себе каменный с приделами и колокольней (шатровой формы) храм, несколько к востоку относительно всей площади двора; на запад от храма в небольшом расстоянии (сажен 8) – двухэтажный деревянный настоятельский корпус; направо от него, к югу, братский корпус и в недалеке баня, позади, на запад, несколько деревянных прислуг – амбар, погреб и др. На северной стороне ограды, недалеко от выходных ворот по направлению к селению (другие ворота ведут на берег), параллельно храму, помещается кухня для рабочих и вблизи скотное помещение; кроме того, есть завозня

на восточной стороне, у самой стены. У монастыря имеется 2 кирпичных сарая за селением. В самом селении, окружающем монастырь с северо-западной стороны, число обывательских домов насчитывается с небольшим полсотни»³⁰.

Если монастырские здание удавалось поддерживать в пристойном виде, то удерживать старых и находить новых претендентов, готовых на «труды апостольского звания», с каждым годом становилось все труднее, ибо, как писали в Синод из Тобольской духовной консистории, «находясь на отдаленном севере, среди неприветливой пустынной местности с суровым климатом, Кондинский монастырь не может привлекать в недра свои желающих терпеть разного рода лишения и выносить борьбу с природою... Все эти местные условия требуют особенного самоотвержения и нравственной твердости, но людей с таковыми свойствами в среде современного монашества не видится». Однако таковых епархиальное начальство узрело среди монашенок, в связи с чем по ходатайству архиепископа Тобольского Авраамия в 1891 г. Кодинский мужской монастырь был обращен в женскую общину. К этому времени в нем оставалось 2 инок, которых разослали в другие обители епархии. Монахинь же для нового служения набрали в Тобольском Иоанно-Введенском монастыре³¹. Сестры приняли имущество и монастырские строения по описи. Надо сказать, то и другое оказалось весьма ветхим и запущенным: «штукатурка во многих местах отпала, побелка на всем храме почернела от давности времени, фундамент рушится. Так что кирпичи отпадают от фундамента и северных дверей; середина же храма под средним куполом оказалась ниже до полуторых вершков, а от этого произошли трещины во многих местах храма. В Троицком холодном храме, в алтаре, на горнем месте, от окна до фундамента оказалась сквозная трещина, таковая же трещина и в том же алтаре от окна фундамента, на юго-восточной стороне; две больших трещины в Казанском приделе в алтаре, на горнем месте, которые прошли с верхнего карниза через окно до самого фундамента. В Никольском приделе, в алтаре, на горнем месте, оказалась тоже трещина. Все эти трещины и осадки приделов произошли, вероятно, от давления среднего купола, под которым сделан подвал, а в подвале сильно поотстают и висят от сводов кирпичи... в настоящее время означенные трещины остаются в прежнем положении и признаков увеличения нет и опасности не представляет, но необходимо ремонтировать храм Божий в некоторых местах исправить и выкрасить, водосточные железные проржавленные трубы, желоба вокруг церкви заменить новыми. Самый храм обелить и оштукатурить надлежащим образом»³². Сестры немедленно принялись за устранение описанных неисправностей. К 1908 г. им удалось обновить иконостасы, выкрасить стены и своды внутри храма. Снаружи храм также был

приведен в порядок. Много было приобретено новых икон и церковной утвари. Но хотя энергии у «Христовых невест» было с избытком, все упиралось в отсутствие средств. Кельи, здание школы и хозяйственные постройки к началу XX в. сильно обветшали, однако строить новые было не на что.

Во все времена монахами и посетителями Кординского монастыря особо почитаемы были местные святые и реликвии, к каковым относились иконы «древнего письма», а также различные пожертвования российских государей. Так, икона Страшного Суда, написанная на полотне, была пожертвована царем Федором Алексеевичем. На обратной стороне иконы имелась соответствующая запись: «Великий государь, царь и великий князь Федор Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержец пожаловал, по своей, государевой к Господу Богу вере, дал сей святой образ Страшного Суда Христова пришествия, в Сибирь, на великую р. Обь, во обитель Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, иже нарицается Кодская, на украшение и покаяние в вере Христовой живущим, на просвещение и спасение людей неверных, тамо пребывающих». По-видимому, в середине XVIII в. эта икона находилась в паперти деревянной Благовещенской церкви³³. Со временем полотно истлело и было утрачено, но в 1824 г. тобольский мастер мещанин Василий Чеботных сделал с картины копию. Еще от имени государя Федора Алексеевича были присланы в монастырь богослужебные и «четы» книги, а также четыре колокола один из которых весил 15 пудов и имел литую надпись: «Лета 7187 (1678 г. – С. Т.) декабря... великий государь Федор Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, для вечного поминовения отца своего царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца, пожаловал сей колокол в Сибирь, на великую реку Обь, в обитель Святыя и Живоначальныя Троицы, в пустынный монастырь, по челобитной того монастыря игумена Макария с братиею». Получил монастырь вклады и от своеобразного триумвирата, сложившегося на российском престоле в конце XVII в. – Ивана Алексеевича, Петра Алексеевича и Софьи Алексеевны. Они пожаловали монастырю драгоценную утварь – на престольный серебряный с позолотой крест и серебряное кадило, «две книги печатные – 1-я Обет, 2-я Вечеря, три колокольчика междочастных», а также упоминавшиеся выше куранты³⁴. Постоянно обращали на себя внимание посетителей монастыря своей древностью и «изысканным видом»: «а) два креста на престольные, серебряные, вызолоченные с надписью: “Святейшего патриарха Кир Андриана келейного монаха, диакона Митрофана в Сибирь, в Кодский монастырь, по родителях своих в вечное поминовение 7206 г. (1698 г. – С. Т.)” и б) евангелие, печатное в Москве 1752 г., замечательное по своему объему и весу (1 пуд 15 фунтов), приобретено по зака-

зу Кондинского монастыря игуменом рафаиловским Маргаритом в 1782 году 20 января. На крышки этого евангелия употреблено чистого серебра 920 золотников»³⁵. Судя по описанию 1763 г., церкви Кондинского монастыря украшала деревянная скульптура – два распятия «резных», по одному в Троицкой и в Благовещенской церкви. В этом же описании обращает на себя внимание: «На престоле гробница сребренная, чеканная, середине образ Воскресения Христова черневой, вокруг и в середине ево позолочено; в ней два положения, верхней и нижней, сверху крест, распятие медное под золотом, по сторонам Богоматерь, Иоанна Богослова литые, медные под золотом»³⁶. Наиболее почитаемы монахами и прихожанами были так называемые местные иконы на сюжеты, соответствовавшие посвящениям приделов (храмовые иконы). В 1673 г. среди «местных икон» Троицкой церкви названы, кроме образа «Живоначальной Троицы», иконы «Успения Пресвятыя Богородицы», «Чудо архистратига Михаила» и «Николая Чудотворца»³⁷. В конце XIX – начале XX вв. «местных икон» оставалось три: «1) образ Пресвятой Троицы древней живописи, на которой риза серебряная вызолочена, весу в ней 5 S фунта, заведена старанием настоятеля, игумена (впоследствии архимандрита) Иакинфа в 1753–1758 годах. Икона помещается в главном холодном храме, в иконостасе, по правую сторону царских врат»³⁸; 2) икона Казанской Божией Матери – древней живописи, на которой риза серебряная, с венцом, вынизанным жемчугом с разноцветными камешками. Икона помещается в Казанском приделе, в иконостасе, по левую сторону царских врат; приложена в монастырь московским дворянином Василием Савиным Турским (в монашестве Венедикт. – С. Т.)³⁹ в прошедшее столетие (XVIII в. – С. Т.)⁴⁰; 3) образ Святителя Николая Чудотворца, древней живописи, риза серебряная вызолоченная, весу в ней 10 j фунта, заведена старанием настоятеля, игумена Сергия в 1784 году, частию на сумму от добротных дателей и монастырскую. Образ святителя Николая помещен в Никольском приделе, в иконостас, по правую сторону от царских врат (за образом Спасителя)»⁴¹. В этом ряду отсутствует икона «Чудо архистратига Михаила», упомянутая, как мы помним, в качестве «местной» в Переписной книге монастыря 1673 года⁴². Образ небесного воеводы не числится среди храмовых икон уже в середине XVIII века. В каменной Троицкой церкви кроме Троицкого было только два придела – во имя «Пресвятыя Богородицы» и во имя «Святителя Николая Чудотворца». Однако сама икона архистратига Михаила хотя и пришла в забвение, но, скорее всего, была еще цела. Во всяком случае, в монастырской трапезной среди прочих икон в 1763 г. находились «три архангела Михаила в чудесах»⁴³. Среди икон монастырская братия и прихожане Троицкой церкви выделяли еще один образ: «Икона Божьей Матери в серебряной вызолоченной ризе. На ризе

надпись: “Сей образ Благовещения Пресвятыя Богородицы украшен при державе благочистивейшей государыне Екатерины Алексеевны Второя по благословению преосвященного Варлаама архиепископа Тобольского и Сибирского 1796 года”... Все они обновлены, (имеются ввиду и храмовые иконы. – С. Т.) но когда именно в архиве монастыря сведений нет»⁴⁴.

К началу третьего тысячелетия от монастырского комплекса уцелела только полуразрушенная Троицкая церковь. Полностью утрачены церковные святыни и утварь. Троицкий храм Кординского монастыря – одно из самобытнейших произведений сибирского зодчества, памятник «сибирского барокко», сохранивший в своей архитектуре тесную связь с культовыми строениями допетровской эпохи. Его восстановление станет значительным событием в культурной и религиозной жизни России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 382.

² *Абрамов Н. А.* Кординский Троицкий монастырь // Абрамов Н. А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 196.

³ *Головин П.* Кондинский Троицкий монастырь // ТГВ. 1892. № 1. С. 12.

⁴ *Головин П.* Кондинский Троицкий монастырь С. 12.

⁵ *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., Т. II. С. 369.

⁶ *Абрамов Н. А.* Кординский Троицкий монастырь. С. 196.

⁷ *Головин П.* Кондинский Троицкий монастырь. С. 14.

⁸ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1991. С. 228.

⁹ Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в 1740 г.: Дневник Т. Кенигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля / Вступ. ст. и сост. Н. В. Кирюшенко, П. А. Кротов. СПб., 2008. С. 251.

¹⁰ Кординский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации (Сборник документов). Тюмень, 2003. С. 84, 85, 156.

¹¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 701. Д. 6. Оп. 1. Л. 28–29.

¹² *Абрамов Н. А.* О введении христианства у березовских остяков // ЖМНП. СПб., 1851. Ч. LXXII. С. 9–10.

¹³ Кординский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в. С. 157.

¹⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 701. Оп. 1. Д. 3. Л. 97.

¹⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 701. Оп. 1. Д. 10. Л. 255–256.

¹⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 701. Оп. 1. Д. 3. Л. 158.

¹⁷ Кординский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в. С. 70.

¹⁸ Кординский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в. С. 56.

¹⁹ Там же. С. 53.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 93.

²² Восмерик на летней церкви был расписан тобольскими иконописцами около 1753 года (Кондинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в. С. 50.).

²³ Кондинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в. С. 168.

²⁴ Кондинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации (Сборник документов). 2-е изд. Томск, 2005. С. 275.

²⁵ Там же.

²⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 701. Д. 9. Л. 371–372 об.

²⁷ Головин П. Кондинский Троицкий монастырь. С. 25.

²⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 701. Д. 3. Л. 153 об.; Д. 8. Л. 172–172 об.; Д. 10. Л. 305, 309–309 об.; Д. 13. Л. 7 об. –8, 9 об., 88–89, 93, 95 об. –96, 100а, 129, 167.

²⁹ Головин П. Кондинский Троицкий монастырь. С. 15.

³⁰ Головин П. Кондинский Троицкий монастырь. С. 10, 14–15.

³¹ Там же. С. 76–97.

³² Головин П. Кондинский Троицкий монастырь. С. 98.

³³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 701. Оп. 1. Д. 3. Л. 92 об.

³⁴ Головин П. Кондинский Троицкий монастырь. С. 98–99; Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 165.

³⁵ Головин П. Кондинский Троицкий монастырь. С. 98.

³⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 701. Оп. 1. Д. 3. Л. 80, 84, 90.

³⁷ Акишин М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря. XVII век // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 520–521.

³⁸ На иконе имелась надпись: «К сему местному образу Троицы Живоначальной в Кондинский монастырь построися сия серебряная и подзолоченная риза 1756 года» (Ар. ИИМК РАН Ф. Р III № 6870. Л. 10).

³⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 701. Оп. 1. Д. 3. Л. 90.

⁴⁰ От 1763 г. дошло детальное описание этого образа: «Венец просекной и риза кованная, серебряная, под золотом на полях преподобных Антония и Феодосия Печерских, под венцом вынизано жемчюгом немецким, а вокруг его тридцать семь жемчужен китайских больших, четыре риски жемчюгу немецкого и в них восемь камешков: четыре рудожелтых и четыре зеленых; в жемчужном венце пять чтушек серебряных под золотом, в каждой чтушке по восьми камешков цветом белых, в том числе два цвету вишнева; на венце три камня: один белой, два рудожелтых; на оном же венце пять жемчужек немецких больших, при том же у Богоматери и Младенца ожерелье жемчюгу немецкого. Вкруг оного образа крест серебряный кованный, чеканный и на ней вверху образ господа Саваофа, по углам четыре херувима; на полях киота по одну страну ангел-хранитель, а по другую – священномученик Василий Амасийский вкованный» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 701. Оп. 1. Д. 3. Л. 90). На драгоценной ризе иконы имелась надпись: «Сие Моление Пресвятыя Богородицы Казанския по выбору дворянина

Василия Савича Турского 1707 год июля в 17 день». Еще В. С. Турский «приложил» в 1708 г.: «Крест небольшой серебряный вызолоченный – распятие с предстоящими Божиею Матерью и Иоанном Богословом вверх Господь Саваоф. В кресте в 5 отделениях мощи разных святых с древом креста Господня, весу в нем 55 золотников» (Ар. ИИМК РАН Ф. Р III № 6870. Л. 12–12 об.).

⁴¹ Головин П. Кондинский Троицкий монастырь. С. 98–100.

⁴² Акишин М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря. С. 520–521.

⁴³ Кондинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в. С. 176.

⁴⁴ Ар. ИИМК РАН Ф. Р III № 6870. Л. 10 об.-11.

А. М. Сафронова

В. Н. ТАТИЩЕВ И ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ В ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ГОРНОГО ВЕДОМСТВА (1734–1739 гг.)

Находясь на посту начальника уральских горных заводов в 1734–1739 гг., В. Н. Татищев, помимо активной деятельности по развитию школ, внес еще один неоценимый вклад в развитие просвещения в крае – создал в Екатеринбурге библиотеку, ставшую одной из самых крупных в провинциальной России. В ней были собраны лучшие книги, выходившие в нашей стране на русском и иностранных языках, книги западноевропейских стран.

Поэтому изучение истории формирования библиотеки важно в плане расширения наших представлений о многогранной просветительской деятельности Татищева. В связи с тем, что многие книги заказывались непосредственно для его работы над «Историей Российской», географическим описанием страны, обращение к истории Екатеринбургской библиотеки дает новые возможности для изучения самого хода этой работы. Ценность библиотеки неимоверно возросла после вливания в нее в 1737 г. книжного собрания самого Татищева, которое он собирал на протяжении всей жизни. Особый интерес к Екатеринбургскому собранию связан и с тем, что оно в свою очередь послужило основой для формирования библиотеки Колывано-Воскресенских заводов в 1764 г., библиотеки Горного училища в Санкт-Петербурге в 1775 г.; из столицы часть книг в 1839 г. была отправлена в университет в Гельсингфорсе (Хельсинки).

Прежде всего, хотелось бы отметить уникальность состава первой библиотеки нашего города. Безусловно, этим мы обязаны личности Татищева. В 1734 г. он ехал на Урал с «полной мочью», права подведомственного ему учреждения Канцелярии Главного правления заводов стали шире прав бывшего центрального органа управления заводами – Берг-коллегии, канцелярии были подотчетны заводы на огромной территории страны, от Ка-